Дик Трейси отыскал свой служебный флаер невдалеке от заброшенного завода на окраине. Как и ожидалось, судья успел остановить машину с беглецами, но судя по всему, полиция уже вмешалась.

Выскочив в дождь, детектив помчался вперёд, лихорадочно пытаясь вспомнить вербальный код деактивации Рока. Похоже, у судьи в результате неудачного преследования произошёл сбой поведенческой программы, и полубоевая модель в таком состоянии могла выкинуть всё что угодно.

Вспомнив резню, учинённую в одном из мегамоллов сбежавшим орком-гладиатором, Трейси прибавил ходу.

Неожиданно в пелене дождя раздались хлопки, характерные для лазерных выстрелов, и крики людей.

Подбежав ближе, Дик оторопел. Происходящее уже выходило за рамки простого сбоя поведенческой программы.

Трейси впервые видел судью, работавшего на пределе. И хотя противником в этот раз были простые полицейские, Дик не мог не поразиться смертельной грации, с которой двигался синтет.

Пистолет в его руках плевался красными вспышками ровно раз в секунду, каждый раз пронзая дождь в разных направлениях. И каждый раз на пути смертоносного луча оказывались люди. Кто-то кричал, кто-то молча падал, третьи умудрялись пустить луч в ответ, но судья с лёгкостью уходил с наиболее вероятных траекторий выстрелов. Двигаясь в жутковатом алом стробоскопе, Рок закончил танец смерти меньше чем за минуту.

Наступила тишина. Смолкли крики и стоны — Рок бил на поражение и ни разу не промахнулся. Доспехи полиции предназначались против камней, палок и ножей. В крайнем случае — пуль. Но луч боевого бластера прошивал такие насквозь.

Вернулся шум дождя, в воздухе висела дымка испарившейся на лазерных лучах воды.

— У меня сегодня настроение вершить правосудие, — отчеканил судья, ни к кому не обращаясь, — и никто не встанет на моём пути…

— Рок?! Ты что, спятил?!.. Это же полицейские! — воскликнул Дик, оглядывая поле боя.

Никто не шевелился.

В клубах пара, что висел в воздухе и шёл от раскалённых стволов, судья выглядел жутко.

Взгляд красных глаз поднялся на детектива.

— Были. Они стояли на моём пути.

— Ты совсем с катушек съехал!

— Убирайся к хозяевам, или последуешь за этими, — продолжил судья, показав стволом пистолета на труп лейтенанта Ноймана, — И без того руки чешутся тебя пристрелить.

Дик не шевельнулся, и судья поднял бластер:

— Прочь с дороги, Трейси. Ты мне и так достаточно помешал.

Синтет не может поднять руку на человека. Любой обыватель это подтвердил бы.

Однако охотник вроде Дика Трейси знал, что иногда сбившаяся программа не вгоняла синтета в ступор, а вызывала совершенно непредсказуемое поведение. И случались срывы. Гладиаторы бросались на зрителей, телохранители — на подзащитных, секс-игрушки сводили счёты с жизнью или убивали клиента. Как Дик убедился, даже столь безобидное создание, как пони от «Хасбро», можно было довести до поножовщины.

Люди быстро доказали, что способны сломать и испортить всё что угодно, и обойти любую защиту поведенческой программы.

— Нет, — сказал Дик.

Спорить со сдвинувшимся синтетом с бластером в руке было крайне неразумно, но детектив даже не подумал усомниться в правильности выбора.

Рок удивлённо поднял бровь, и Трейси продолжил:

— Я всю жизнь плыл по течению и воспринимал всё как должное. Уход жены. Безразличие дочери. Эту работу. Я устал от всего этого. И тебе я не позволю сделать то, что ты собираешься. Ты больше не закон, если так поступаешь.

— И что же ты сделаешь? — поинтересовался Рок, — Бластер достать ты не успеешь.

Дик, глянув в переливающиеся алым глаза, чувствовал, как сердце начинает щекотать коготок страха. Сбой программы был налицо.

— «Вавилон», — произнёс детектив вербальную команду деактивации нервной системы

синтета, — двенадцать, красный, три нуля, сорок. Трейси.

Улыбка судьи искривилась, он издал звук, как при неправильном ответе в телевикторине.

— Ты сам выбрал, — процедил он, чуть вскидывая пистолет.

Трейси попытался выхватить собственное оружие, хотя прекрасно понимал, что не успеет. Синтет оказался быстрее, и ярко-алый луч на полсекунды соединил ствол оружия судьи и грудь Дика Трейси.

Серебристый бластер детектива, повинуясь закону инерции, выскользнул из ослабших пальцев и улетел куда-то в сторону, упав прямо в неглубокую лужу.

— И сразу как-то легче стало, — захихикал Рок, — Так, кто там у нас следующий?..

* * *

— Что там полиция? — спросила Гайка, накладывая на грудь Джерри тугую повязку, — Вам не кажется, что там как-то слишком тихо?

— У них там… свои разборки, — вдруг подала голос Рейнбоу Дэш, не поворачивая головы, — Кажется, не могут поделить… вас.

Все взгляды обратились в сторону мерцающих огней.

Как раз вовремя, чтобы увидеть алые вспышки, сопровождаемые облаками пара и характерными хлопками и шипением. Раздались крики.

— Видимо, так и не поделили? — неуверенно спросил мыш, стараясь не вздыхать глубоко.

Повисла гнетущая пауза. Выстрелы смолкли, потом раздался ещё один. Видимо, кого-то добили.

— Зашибись, они друг друга пере… — Дэш осеклась, так как разглядела выходящего из тумана судью.

Чёрный силуэт с красными глазами приближался.

Виктор встал и шагнул навстречу.

— Кто Вы, сэр? — громко спросил он, — И почему стреляли в машину?

Судья Рок, не переставая улыбаться, ответил не без доли торжества:

— Я — закон. Я — Рок. Это моё имя и призвание. Беглые синтеты должны умереть.

— У моих синтетов зелёный статус чипов, — сказал Виктор, — И я гражданин Шпилей. Тут явно какая-то ошибка. Прошу, проверьте…

Судья только расхохотался.

— Ты что же, серьёзно решил мне это скормить, мальчик из Белого города? — спросил он, поигрывая пистолетом.

Виктор осёкся. Он уже знал, что если корпоранты всерьёз взялись за дело, никакие документы и права гражданина не помогут.

Когда возможный ущерб от утечки информации перегоняет по величине возможный иск, в дело вступает самый действенный в Гигаполисе закон — закон рынка.

И этот жуткий человек был всего лишь пешкой в игре больших денег. Больших даже для успешного жителя Белого города.

— Я Вам не позволю… — начал было Виктор, но удар по лицу прервал начавшуюся было речь.

— Стоящий на дороге правосудия становится соучастником, — сказал судья, добавляя серию ударов в корпус, — но сначала главные преступники.

Виктор, которого в жизни никто не бил, даже не представлял, как это больно.

В голове словно взорвалась граната, а умелые удары под рёбра попросту вышибли из парня дух, так что он даже не слышал последних слов судьи.

Судорожно пытающийся вздохнуть Виктор Стюарт рухнул в лужу, а судья Рок перешагнул через него и двинулся дальше.

Его ждал высший долг.

* * *

Джерри, который это видел, нашёл в себе силы лишь беспомощно выругаться.

Лежащая Скуталу пошевелилась и, не открывая глаз, тихо захныкала от боли: копыто Рейнбоу напрочь разбило нос. Рана была не смертельной, но очень болезненной, и стоящая здесь Дэш вдруг почувствовала что-то совершенно новое для себя.

Укол совести.

Джерри и поддерживающая его Гайка переглянулись и одновременно посмотрели на лазурную пегаску.

— Ну сделай же что-нибудь! — крикнула мышка, — Он же всех убьёт!

Рейнбоу расправила крылья. Посмотрела на Скуталу, потом на валяющихся в лужах Лиру и Виктора, всё ещё бессознательную девчонку-водителя с кровоподтёком на лбу…

Как просто было сейчас взять и взмыть в небо, оставив наземных червей ползать внизу вместе с их проблемами. Новая жизнь, новая свобода, настоящая свобода, без застарелой ненависти к самой себе…

Но в то же время Рейнбоу Дэш понимала, что призраки прошлого не отступятся. И ни месть, ни бегство в этом деле не помогут.

— Так и быть, — вздохнула пегаска, оглянувшись на мышей, — я разберусь. Но мы квиты после этого, ясно?

— Ты ничего нам не должна, Рейнбоу, — сказал Джерри.

— Мы просто просим о помощи, — добавила Гайка, — И ты можешь…

— Хватит! — огрызнулась пони и пошла навстречу приближающемуся судье.

Джерри понадеялся, что Рейнбоу Дэш Вендар найдёт в себе смелость противостоять человеку…

…Судья, мир которого сузился до нескольких преступников-синтетов, даже не сразу заметил новое препятствие.

Эту лазурную шкурку, радужную гриву и рубиновые глаза судье Року уже доводилось видеть. И не только на ранчо Стивена Агилара.

— О, знакомые всё морды, — улыбка судьи стала почти дружелюбной от воспоминаний, — Дай-ка припомнить… Будешь у меня пятидесятой Рейнбоу Дэш. Прямо юбилей. Может, отрезать от тебя кусочек на память? И почему, интересно, именно такие как ты чаще всего бегут от хозяев?..

Пегаска сжала зубы, исподлобья посмотрев на человека, несколькими простыми словами пробудившего страшную память…

…Рейнбоу Дэш Вендар, морщась, пинком распахнула дверь в каморку, которую использовала в качестве раздевалки и гримерки.

Прихрамывая, прошла внутрь, при каждом шаге шипя от боли: Спитфаер, эта чёртова сучка мистера М, знала своё дело и вывела лазурную пегаску из строя уже во втором раунде.

Это был первый проигрыш Дэш в сезоне, и осознание этого заставляло просто трястись от злости.

Хорошо, что теперь можно было отвести душу на дрянной малявке, которая посмела не только явиться сюда за помощью, но и усомниться в уникальности Дэш.

Теперь, когда с молчаливого дозволения мистера М Алекс переоформил приблудную Скуталу на себя, он получил ту в полное распоряжение. А значит, в распоряжение Рейнбоу.

Бросив взгляд на дальний угол, пегаска обомлела. Цепь осталась на месте, и ошейник тоже, но пегасенки на месте не было. Кожаный ремень с заклёпками был разорван, а открытое окно свидетельствовало о том, что пленницы уже и след простыл.

Рейнбоу издала сдавленный рык. Что за день сегодня такой!

Она в сердцах пнула ни в чём не повинный табурет. Тот с грохотом улетел в угол, а сзади послышался звук открываемой двери.

— Дэш, — послышался тихий голос Алекса Вендара, и сердце ухнуло куда-то в район копыт, — я очень, очень разочарован в тебе.

Рейнбоу обернулась и подняла голову на хозяина. Не выразить никакими словами ненависть, питаемую лазурной пегаской к этому человеку. К его спокойному голосу и холодному взгляду. Преисполненным силой нарочито-неспешным движениям, к каждой чёрточке на правильно очерченном лице…

Дэш ненавидела его и не находила в себе сил противиться его воле.

В руке Алекс Вендар держал цепь, на которой обычно водил свою «воспитанницу». Лёгким движением зацепив карабин на шипастом ошейнике, Алекс сказал:

— Сегодня ты проиграла. Я не могу поверить, Дэш, что после всех этих лет тренировок и воспитания, череды блестящих побед, я вынужден констатировать, что воспитал… неудачницу. Мало того, что ты уступила в главном бою, так ещё и упустила этого жеребёнка? Ты хорошо начала с ней, я уже подумал было, что мы близки к цели. Но что я вижу теперь? Рейнбоу, сегодня твоё наказание будет особенным. Наказанием для неудачницы.

Клокочущая ярость пегаски, не получившая выхода на арене, заставила крылья воинственно раскрыться, а уши — прижаться к голове.

— Я не неудачница! — попыталась возразить пегаска, — Это… это всего лишь одно поражение! От чемпионки арены в высшей лиге!

Алекс остался непреклонен:

— Можно приложить массу усилий, карабкаясь к вершине, но сто́ит единожды сорваться, и все труды пропадут зря. Поэтому не пытайся оправдаться. Ты знаешь, как меня это огорчает, Рейнбоу.

— Это нечестно…

— Мир несправедлив и никогда не предоставит равных условий. Не тебе и не мне менять его. Мы можем лишь быть готовыми к этому. Раздевайся.

Копыта, охваченные кожаными браслетами, упёрлись в пол.

— Да пошёл ты! — зарычала пегаска, впервые отважившись на открытый бунт до того, как боль и унижение доводят её до отчаяния, — С меня хватит! Наелась!

Алекс не удивился. Рывок цепи заставил её растянуться на полу. Как бы ни была тренирована

и сильна Дэш, хозяин всегда был больше и сильнее, и без труда справлялся с ней.

— Ты знаешь, что непокорность только усугубляет твоё наказание, — проговорил человек, поднимая пегаску на ноги, — и продлевает твои вопли и мольбы о пощаде.

— Больше не услышишь от меня ни звука, — процедила Дэш сквозь зубы, — Я не доставлю тебе больше такого удовольствия, говнюк!

— Я с тебя шкуру спущу, неблагодарная сучка.

Алекс тогда снова взбесился не на шутку. Вырубил Рейнбоу мастерским хуком, и очнулась та уже когда хозяин за ошейник тащил её к крыльцу до́ма.

…Этот топчан Рейнбоу Дэш Вендар изучила досконально. До каждой трещинки в кожаном покрытии. Отполировав телом каждый сантиметр. Обливая его по́том, слезами и кровью на протяжении многих лет.

В этот раз она снова сопротивлялась. Лягалась и кусалась, пытаясь отбиться от своего мучителя, но тот и раньше с лёгкостью защищался от подобных атак, а сейчас и подавно.

Вскоре Рейнбоу оказалась раздета и пристёгнута к топчану за браслеты на ногах, а ошейник, крылья и основание хвоста были сцеплены между собой особой системой ремней. Во рту утвердился эластичный кляп, а на глазах — шоры, перекрывшие бо́льшую часть обзора.

Алекс всегда связывал её, когда насиловал, но сбрую добавлял только когда хотел особенно унизить гордую и сильную Дэш.

То, что происходило дальше, можно было бы назвать привычным, но пегаска не желала с этим мириться.

Вцепившись в кляп зубами, она изо всех сил давила стоны, рвущиеся из груди. Не издала ни звука, хотя зачастую умоляла о пощаде раньше.

Видимо, поэтому в тот раз Алекс был более груб, чем обычно, и хуже стало бы разве что в компании с его дружком, который тоже периодически припирался поразвлечься с пегаской.

Потом был хлыст, заставивший хлынуть сдерживаемые до того слёзы. Свист, хлопок, боль — Рейнбоу выучила это ещё с подросткового возраста…

…Она потеряла счёт времени… Казалось, спина, круп и задние ноги превратились в сплошное море боли. Обжигающей, рвущей, заставляющей сознание «плыть». Кляп лопнул, раскушенный зубами пегаски, но из её груди по-прежнему раздавалось только судорожное рычание. Призвав на помощь весь гнев, всю ненависть, Дэш постаралась оградить от боли лишь одну мысль: «НИ ЗВУКА!».

Неожиданно в поле зрения появился Алекс. Взмокший, голый и что-то злобно говорящий. Рейнбоу сосредоточилась и различила слова:

— …В общем, выбирай. Либо ты кричишь, либо последнее испытание.

«Только сунь мне в рот свой обмылок, и тут же его лишишься», — мысленно пообещала Рейнбоу.

Она не ответила, лишь наградив хозяина полным ненависти взглядом.

Но Алекса Вендара никогда нельзя было назвать безрассудным. Даже распалившись от похоти, он прекрасно знал, когда дух пегаски ещё не был сломлен.

— Что ж, видимо, это второе, — решил Вендар и, протянув руку, показал Рейнбоу обнажённый боевой нож, с которым, похоже, не расставался никогда, — За сегодняшнюю неудачу ты расплатишься либо отличным криком, либо одной из кьютимарок.

Не дождавшись ответа, он снова вернулся к другой стороне топчана. Спустя пару секунд ударила сзади вспышка адской боли, вкрутившаяся в левое бедро.

Чувствуя холодное лезвие, погружающееся в мышцу, Рейнбоу вновь до скрежета стиснула зубы. Похоже, подонок решил вместе с кьютимаркой срезать изрядный кусок мяса.

«Селестия, как больно!..»

Алекс успел дойти до половины, когда в комнате раздался дикий, протяжный крик Рейнбоу. Пегаска сотрясала воздух и захлёбывалась слезами, рвалась из кандалов, пока хватало дыхания. Судорожно вздохнув, она вновь закричала, задрав голову к потолку и брызгая кровью из глубокой раны на бедре…

Когда же наступила относительная тишина, прерываемая лишь судорожными рыданиями, Рейнбоу вновь услышала голос Алекса:

— Я разочарован, — подвёл хозяин краткий итог, после чего раздался звук удаляющихся шагов.

Дэш уткнулась носом в кожу топчана и продолжила рыдать, уже не думая ни о гордости, ни о данном самой себе слове. Проклятый подонок вновь оказался сильнее.

Она уже слабо помнила, как её отстёгивали от ложа, мыли, зашивали, перевязывали и несли в кровать.

— Ты была в шаге, Дэш, — сказал тогда Алекс напоследок, — но теперь мы вновь практически в начале пути. Неужели одна кьютимарка была бы такой уж высокой ценой?.. Ты просто жалкая сломанная игрушка.

Пегаска не ответила. Сознание было далеко отсюда, избавив истерзанные тело и душу Рейнбоу Дэш Вендар от тяжких дум и отчаянных шагов…

Рейнбоу, перед которой в мгновение пронеслась половина жизни, сплюнула в сторону:

— Заткнись, сука.

Судья, поигрывая бластером, сделал шаг в сторону, словно захотев обойти пегаску, но та преградила ему путь.

Голос Рока приобрёл несерьёзные, игривые интонации:

— Ой, я тебя задел, малютка-пони? Ну прости меня, дурака, я правда не хотел. Все эти плети, наручники и прочая мерзость мне не свойственны. Мне просто нравится боль и смерть. И я тебе обещаю, боли будет очень много. Перед смертью. А то, что при этом правосудие на моей стороне, просто повергает меня в восторг.

Судья это сказал это настолько будничным тоном, что Дэш даже на мгновение забыла о тех ужасах, что с ней творили. И откуда бы судье о них знать. А также что делала она сама, выходя на арену и попросту купаясь в чужой крови, невзирая на судейские сирены и мольбы о пощаде.

Потому что перед ней предстала непроглядная тьма без малейшего проблеска света, воплотившаяся в этом существе.

— Глупое геройство глупой маленькой лошадки, — усмехнулся Рок, когда Рейнбоу не сдвинулась с места.

Вскинув бластер, он надавил кнопку активации. Но вместо смертельного луча оружие издало только тревожный сигнал: зарядов больше не было.

Дэш пошла вперёд, походкой, которую знал любой завсегдатай «Пони-Плея»: лёгкая, непринуждённая и даже слегка игривая.

Походка, которой Рейнбоу Дэш Вендар шла убивать.

— Зря вы так надеетесь всегда на свои железки, человеки, — ухмыльнулась пегаска.

Судья вернул улыбку.

— Мне не нужен пистолет, — сказал он, бросая бесполезный бластер на землю, — просто неохота было мараться о твою грязную шкуру.

Рок сделал лёгкое движение рукой, и в ладонь скользнул короткий клинок.

Рейнбоу нахмурилась.

Судья не производил впечатления обычного психопата с кибер-глазами и завышенным самомнением. Его движения были преисполнены грации знающего своё дело профессионала.

Да, Рейнбоу приходилось драться с людьми. Вернее, с человекообразными синтетами. Те, обычно не ожидая от маленькой пони подобной прыти, становились жертвами этой самоуверенности.

Рейнбоу Дэш полагала, что и остальные люди не слишком сильны. Исключение составлял Алекс Вендар. Профессиональный телохранитель, настоящий мастер боевых искусств и просто настолько сильный человек, что запросто мог согнуть в руках арматурный штырь.

— Ну давай, пугало, — сказала Рейнбоу Дэш и подобралась для атаки, — Покажи мне класс.

— О, с удовольствием, — заулыбался судья, вскидывая тускло блеснувший клинок, — Но я жду в ответ приемлемого уровня…

* * *

…Лира очнулась.

«О, Селестия, кто качает мир?!» — мелькнула мысль, наждаком проехавшаяся по внутренней стороне черепа.

Последнее, что помнила единорожка — мелькнувшее копыто Рейнбоу Дэш и ужасающая, громоподобная головная боль.

Все единороги знают, как можно моментально прервать колдовство. Просто коснись рога — и всё исчезнет.

И каждому подростку-единорогу уже известно, что рог — часть тела тонкая и во многом деликатная.

Удар по рогу — это не только подлый приём. Это самое тяжкое оскорбление действием, которое только может быть. Примерно как общипать пегаса или сломать ногу земнопони.

С трудом единорожка поднялась на дрожащие ноги.

Она видела, как в соседней луже корчится от боли Вик, пытаясь дотянуться до поблёскивающей в неверном свете включённых мигалок железяки.

А ещё Лира увидела, как со страшным чёрным человеком с красными глазами дерётся Рейнбоу Дэш. Та самая, что пыталась убить Скуталу… Не поделили добычу?

Сердце единорожки ухнуло вниз, когда она увидела пегасенку, лежащую на спине с окровавленной мордочкой. Впрочем, на душе немного полегчало, едва Скуталу пошевелилась.

Взгляд снова упал на разворачивающийся между Рейнбоу Дэш и судьёй поединок.

Пегаска летала вокруг, нанося мощные удары копытами. Но человек ловко уворачивался или блокировал их, а в его руке мелькал короткий клинок. Рейнбоу получила несколько царапин, но решающего удара судья нанести не мог.

Лира попыталась призвать на помощь магию, но голову пронзила такая боль, что от этой идеи волей-неволей пришлось отказаться.

Понимая, что в бою от неё толку будет мало, она подошла к лежащей Скуталу и приподняла окровавленную мордочку. Малышка, не открывая глаз, плакала и стонала, но Лира не могла придумать ничего лучше, чем просто обнять маленькую пони и успокаивающе погладить.

Как ни странно, это возымело действие, и с мордочки Скуталу пропало выражение боли и ужаса.

Лира облегчённо вздохнула, но раздавшийся в шуме дождя сдавленный стон заставил её вздрогнуть.

Обернувшись к дерущимся, она увидела, как судья Рок и Рейнбоу Дэш Вендар сошлись вплотную, прекратив завораживающий и страшный танец смерти. Сошлись так близко, что Лира неуместно подумала о соблюдении приличий при таком тесном контакте. Лицо судьи оказалось так близко к мордочке пегаски, что казалось, ещё секунда — и они оба сойдутся в страстном поцелуе…

Но объятия противников не были вызваны страстью. Рок держал нож в левой руке. Поэтому короткое лезвие вошло по самую рукоять в правую сторону груди Рейнбоу Дэш Вендар…

«О, Селестия!» — в панике подумала Лира.

— Вынужден признать, — резюмировал судья, — что это было впечатляюще. Но ты всего лишь ещё одна маленькая пони.

С этими словами он отбросил Рейнбоу прочь и повернулся к беглецам. Он даже не посмотрел, как пегаска, неловко упав на полурасправленные крылья, перекатилась и осталась неподвижно лежать в стремительно краснеющей луже.

Клинок так и остался в её теле.

— Что ж, — констатировал Рок, — Остальных мне всё же придётся убить голыми руками.

Лира, всю жизнь восхищавшаяся людьми, теперь воочию видела, какими чудовищами те могут быть. Здесь, сейчас, в грязных лужах лежали мёртвые враги и раненые друзья. Никто и ничто не позволяло думать, что кошмарное чудовище в человеческом обличье остановится на достигнутом.

— Стоять, — вдруг сказали в стороне.

— Ну кому там ещё неймётся! — раздражённо повернулся судья и снова увидел Виктора Стюарта.

Парень стоял на одном колене прямо в луже и неумело направлял на судью бластер Дика Трейси.

Оружие мигало зелёным огоньком готовности.

— Я буду стрелять! — крикнул Виктор, второй рукой держась за гудящую голову.

Пистолет в его руке дрожал. Когда парень держал оружие в виртуальности, оно было невесомым. Настоящий же боевой бластер оттягивал руку непривычной тяжестью.

Судья на мгновение прикрыл лицо ладонью и глухо рассмеялся.

— О, силы небесные! Мальчик с пистолетом!.. Положи, пока не поранился, сопляк.

Давным-давно люди придумали боевые искусства. Но только улучшенные организмы синтетов позволили развить их до совершенства. И судья Рок, будучи полубоевой моделью, в совершенстве владел техникой «маятника», позволявшей уходить с наиболее вероятных траекторий выстрелов и при этом вести огонь самому.

Судья сделал шаг вперёд, одновременно уходя немного в сторону, чтобы даже пущенный профессиональным стрелком луч прошёл мимо цели.

По расчётам синтета, жизнь хлыща из Белого города должна была оборваться от хлёсткого удара в переносицу, после чего осталось бы только подобрать бластер и пристрелить оставшихся беглецов. Лишь первых из многих тысяч, которые скрывались всё это время от него, судьи Рока.

Правда, в этот раз бластер не был в руках профессионала.

Виктор Стюарт выстрелил как раз в тот миг, когда судья начал своё движение, и в этот же самый миг рука парня дрогнула.

Ствол качнулся, и красный луч пошёл по одной из наименее вероятных траекторий.

Как раз по той, на которую шагнул судья.

Тот удивлённо уставился на свою грудь, в которой теперь красовалась дымящаяся прореха. Сердце синтета было прожжено насквозь вместе со всем телом, плащом и бумажной копией удостоверения, лежащей во внутреннем кармане.

— Не может быть… — поражённо прохрипел Рок и тяжело рухнул лицом вниз, подняв тучу брызг.

Чёрная шляпа поплыла по луже зловещим игрушечным корабликом.

У Лиры закружилась голова.

Она хотела позвать Виктора, но закашлялась и пропустила момент, когда парень подбежал к

лежащей Рейнбоу Дэш.

Подняв пегаску на руки, он подошёл к обломкам машины и положил её рядом с Серафимой.

Лира сперва не поняла, а потом увидела, как Рейнбоу шевельнулась и кашлянула кровью.

Единорожка со стыдом подумала, что сама она пострадала в наименьшей степени и могла бы сама оказать помощь тем, кому досталось куда больше.

Магия с трудом, но отозвалась. Лира, превозмогая жуткую мигрень, подняла телекинезом Скуталу и подтащила ближе. Вскоре подошла и Гайка, на которую опирался морщащийся при каждом шаге Джерри.

Аптечка в машине Серафимы сильно пострадала. Не уцелел ни универсальный стимулятор, заживляющий раны, ни даже регенерирующая повязка, от которой остались лишь грязные лоскуты.

Судя по торчащему из груди ножу, Рейнбоу Дэш Вендар предстояло попросту истечь кровью, если лезвие извлечь. Впрочем, и без извлечения лучше бы не стало.

— Рейнбоу, — позвал Виктор, и рубиновые глаза распахнулись.

— Где… — начала была она, но парень сделал успокаивающий жест рукой.

— Тихо. Он мёртв. Ты молодец.

— Я… облажалась. Даже… в этом…

Пегаска снова закашлялась, но нашла в себе силы приподняться. Её взгляд упал на Скуталу.

— Я её?.. — начала она и нервно сглотнула.

— Она в порядке, только без сознания, — заверила Лира, — Спасибо, что передумала…

— Хорошо, — Дэш расслабленно откинулась на помятую машину, — Передайте малышке Скут, что я… прошу прощения. За всё, что с ней сделала. Я знаю, что не заслуживаю его, но мне правда жаль.

— Попросишь прощения сама, — сказал Виктор, — мы возвращаемся на ранчо. Слишком много раненых. Тебе срочно нужно к врачу.

Рейнбоу хотела что-то сказать, но откуда-то издали раздался скрежет металла.

Все взгляды тут же повернулись туда.

Сминая колёсные машины полиции и оставляя за собой дорожку из выключавшихся при его приближении фонарей, на территорию бывшего завода вполз бронированный транспорт угольно-чёрного цвета. Тяжёлые двери распахнулись, и фигуры в угловатой полицейской броне высыпали наружу, мгновенно заняв бывшие позиции полицейских.

Чёрный код.

— Корпоративная служба безопасности, — раздался голос, усиленный динамиками, — Выходите с поднятыми руками, у кого они есть. При добровольной передаче собственности корпорации всем гарантируется жизнь.

Все беглецы переглянулись, и во взглядах читалось одно и то же.

В таких ситуациях исключений не делают. Ни корпорации, ни правительство. Все гарантии — всего лишь слова. Победителей не судят.

Никто не посмеет осудить спецназ БРТО, потому что свидетелей не останется. Вполне может статься, ещё и потому, что официально такого подразделения вообще не существует.

Первой подала голос Рейнбоу Дэш Вендар:

— Вы все… хватайте своих жмуриков и сваливайте. Я их… задержу.

— Нет! — хором сказали Виктор и Лира, потом парень продолжил один:

— Мы все вместе уйдём. Или не пойдём вообще.

— Слушать ничего не хочу, — отрезала пегаска, поднимаясь на нетвёрдые ноги и морщась от боли в груди, — Я смогу заставить их поплясать, пока вы доберётесь вон до того флаера.

— Ты же погибнешь! — воскликнула Лира.

— Скажи что-нибудь, чего я не знаю, — огрызнулась пегаска, — Я погибла давным-давно. Мне всё равно крышка, я истеку кровью… не наружу, так вовнутрь. Вы не успеете меня дотащить, даже если… А, сено, катитесь уже!

— Дэш, идём с нами, — в голосе Лиры послышались слёзы, — Мы знаем место, где тебя

примут. Любой. Никто тебе слова не скажет по поводу прошлого…

— Заткнись. Мы не в вестерне, где плохие дохнут, а свои гарцуют в закат. Я хочу сделать в этой жизни хоть что-то сто́ящее. Сама, а не из-под палки. Не по указке. Так что прочь с глаз моих.

— Пожалуйста, идём.

— Взгляни на меня. Я ничего не умею, кроме как убивать! Так пусть это моё умение сможет хотя бы спасти пару глупых сопливых жизней.

Никто не нашёл, что ещё возразить. Рейнбоу, припадая немного на переднюю правую ногу, отошла за колонну и расправила крылья. Оглянулась и вдруг сказала, обращаясь к бессознательной пегасенке:

— Прости, малышка Скут. Прости за всё.

— Возьми бластер, — предложил Виктор, протягивая оружие.

— Чем я тебе на спуск нажму? — фыркнула пегаска, — Языком? Валите, я сказала!

Глядя, как каждый из беглецов тихо отходит в темноту со своим раненым, Дэш усмехнулась, настолько нелепо они все выглядели.

Взвод Чёрного Спецназа БРТО, устав ждать, начал приближаться. Ещё немного — и в радиус действия визоров и инфракрасных датчиков попадут шестеро беглецов, крадущихся во тьму к экранированному флаеру судьи.

Дэш, отбросив с глаз мокрую чёлку, окинула взглядом приближающихся оперативников. От кровопотери начала кружиться голова, и если верить урокам анатомии, внутреннее кровотечение не оставляло ей шансов.

Было до зубовного скрежета обидно терять едва начавшуюся новую жизнь, но Рейнбоу Дэш Вендар не привыкла что-то оплакивать.

— Это будет самое потрясное выступление Рейнбоу Дэш в истории, — сплюнула она и тяжело взлетела.

Окинув с потолочной балки отряд вооружённых до зубов людей, Рейнбоу вспомнила, как Алекс Вендар учил её не отступать и не сдаваться даже перед лицом более сильного противника. И что в неизменно подлом мире противник всегда будет сильнее.

«Что ж… — подумала пегаска, — за эту науку я тебя прощаю… ублюдок. Но в одном ты, падла, ошибался. Мы можем менять мир».

Все выходы из здания были, разумеется перекрыты. У всех оперативников был приказ стрелять на поражение по всем, кто не подпадал под понятие «свой» на тактическом дисплее. Чёрный код, полная зачистка.

Серый флаер, разблокированный найденным в кармане у судьи ключом, вылетел через отсутствующую крышу. Вслед ему тут же устремились алые вспышки лазеров. Шальной луч задел один из антигравитаторов, и флаер, качнувшись, начал чертить в небе изломанный след.

Голубая молния рухнула из-под потолка на оторопевших на мгновение людей, когда все взгляды и стволы были направлены вверх.

Мгновение, достаточное, чтобы впечатать удар копыта прямо под бронежилет. Человек, скорее от неожиданности, отступил на шаг, но пегаска уже продолжила движения.

— Junior Speedsters are our lives! — раздался в шуме дождя хрипловатый голос.

Удар сразу двумя копытами выбил оружие из рук спецназовца.

— Sky-bound soars and daring dives!

Пегаска нанесла ещё удар, с разворота и в прыжке, словно красуясь на арене, и забрало чьего-то шлема треснуло…

— Junior Speedsters, it’s our quest!

Пинок по стволу винтовки заставил красный луч лазера скосить ещё двух человек.

Несколько лучей впились в лазурную шкурку, и в глазах потемнело от гипертермии. Боли не было: нервы сгорали быстрее, чем сигнал достигал мозга…

— To some day be the very best!

Рейнбоу совершила последний рывок, зубами выдирая чеку висящей на поясе корпоранта термогранаты.

Луч лазера прошёлся по крыльям, заставляя перья и гриву вспыхнуть. Ещё несколько лучей прожгли тело насквозь, но поздно.

Лазурное копыто со стуком ударило по кнопке активации.

Запал хладнокровно отсчитал мгновения, и улыбающаяся Рейнбоу Дэш Вендар последний раз в жизни увидела свет.

…Свет.

Мгновение боли, затмевающей даже лазерные ожоги и побои, полученные в драке. Но почти сразу свет становится каким-то… другим.

Пропадает боль, а жар взрыва становится нежным теплом, а затем успокаивающей, мягкой прохладой.

Волна света, словно прибой, смывает злобу и отчаяние, боль и страх, в клочья разрывает нависающую сзади тень Алекса Вендара.

Исстрадавшуюся душу подхватывают чьи-то мягкие, любящие объятия, и над ними раскрываются два белоснежных крыла, унося прочь… унося домой.

Хочется плакать, но слёз нет.

Больше нет ничего — лишь свет, покой и любовь.

http://tl.rulate.ru/book/82033/2552585